

Светлана Анатольевна Лубенец
Бабочка из Поднебесной
Серия «Любовь + Путешествия»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6994246
Светлана Лубенец. Бабочка из Поднебесной: Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-66538-9

Аннотация

Ника поехала на каникулы в Китай. Чудесный остров Хайнань встретил ее пальмами, солнцем и ласковым морем. В путешествии девушка надеялась склеить свое разбитое сердце – одноклассник, в которого она была влюблена, не пришел на свидание и сделал вид, что они чужие друг другу. Но Китай приготовил девушке неожиданный сюрприз – на отдыхе Ника встретила... ну конечно же, с Глебом – красавчиком, который так подло с ней поступил. Правда теперь он вовсе не кажется таким неприступным и готов даже снова приударить за девушкой. Вот только Ника уже начала влюбляться в другого... Выбор оказался чрезвычайно сложен. Решить девушке помогла... нефритовая бабочка!

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	21
-----------------------------------	----

Светлана Лубенец

Бабочка из Поднебесной

С благодарностью Нине Карапетян

Китайская притча о хрупких игрушках

Как-то в одно селение пришел и остался жить старый мудрый человек. Он любил детей и проводил с ними много времени. Еще он любил делать им подарки – прекрасные игрушки. Они были всем хороши, только слишком хрупкие. Как ни старались дети быть аккуратными и осторожными, их новые игрушки часто ломались. Дети огорчались и горько плакали. Проходило какое-то время, мудрец снова дарил им игрушки, но еще более хрупкие, чем предыдущие.

Однажды родители не выдержали, пришли к нему и спросили:

– Ты мудр и желаешь нашим детям только добра. Но зачем ты делаешь им странные подарки? Игрушки так прекрасны, что не играть с ними невозможно. Дети из всех сил стараются их сохранить, но они все равно ломаются, и дети плачут.

– Пройдет совсем немного лет, – ответил старец и улыбнулся, – и кто-то подарит каждому из них свое сердце. Пусть они заранее научатся беречь прекрасное, дорогое и очень хрупкое!

Вероника Томилина захлопнула книгу и посмотрела на полочку секретера, где находилась ее коллекция крошечных стеклянных игрушек. Она началась с совенка – пестрого стеклянного шарика, величиной с ягоду вишни. К шарик у в виде вытянутых капелек были приделаны маленькие крылышки, ножки и забавные бровки домиком. Прозрачный желтый хвостик был похож на детскую лопаточку, а глазки, белые бусинки с черными точками зрачков, очень лукаво поблескивали. Совенка однажды принес Нике отец, чтобы порадовать – она тогда долго болела ангиной. Потом мама Алла подарила прозрачного слоника с голубоватыми ушами и весело задранным вверх хоботком, величиной куда меньше совенка. А после Ника уже сама покупала на свои карманные деньги разные фигурки. Главным критерием была миниатюрность. На полочке стояла маленькая оранжевая коровка с тонюсенькими рожками, симпатичный черный щеночек с белыми ушками, полосатый кот с самым хитрющим выражением усатой мордочки, пятнистая лягушка и лисичка с хвостом, похожим на оранжевый леденец. Конечно, Ника уже вышла из того возраста, когда играют в зоопарк или цирк, и потому игрушки спокойно стояли на полке, но даже просто чистить их надо было очень осторожно. Именно стирая пыль, Ника нечаянно обломил а у белочки лапки, которыми та сжимала золотой орешек, и хвостик у голубой губастой рыбки. Отец приклеил белочке и рыбке отломанные части, но место склейки прозрачных фигурок все равно бросалось в глаза, и потому увечные игрушки были задвинуты вглубь полки на второй план и, возможно, здорово грустили.

Ника представила свое собственное сердце в виде леденцово-прозрачной вещицы, которую исполосовывали клеевые шрамы: вроде оно и целое, но в любой момент готово снова развалиться на части. Никино сердце разбил одноклассник Глеб Долинский. На новогодней дискотеке все медляки он танцевал с ней, потом, провожая до дому, долго сжимал в своей ладони ее пальцы и предложил встретиться в следующее воскресенье, чтобы поехать

кататься на лыжах в Парголово. Он даже назвал время, когда с вокзала отправляется электричка, и пообещал, что будет ждать Нику возле платформ у киоска с сувенирами. Задыхающаяся от невыразимого счастья Ника не могла не согласиться. Глеб, высокий, спортивный, черноволосый и яркоглазый, нравился ей давно, как, впрочем, и всем остальным девчонкам их класса.

Два дня до воскресенья в ожидании поездки Ника провела в нечеловеческом напряжении. Занятия в школе в преддверии праздника уже закончились, а номерами телефонов они с Долинским не обменялись. Нике оставалось только ждать. Конечно, можно было поинтересоваться телефоном Глеба у кого-нибудь из одноклассников, но девочке не хотелось никого посвящать в свою тайну. Даже своей задушевной подруге, Томке Звягиной, Ника ничего не говорила о том, что давно уже симпатизирует Долинскому. Конечно, после дискотеки Томка сразу же потребовала от подруги дать объяснения, какие такие отношения у нее завязались с Глебом.

– Никаких, – ответила Ника, что, в общем-то, было правдой.

– Да ла-а-а-адно, – насмешливо протянула Звягина. – На дискотеке он от тебя ни на шаг не отходил, а потом вы вообще вместе куда-то смылись.

– Он просто проводил меня до дома.

– И все?

– И все!

– Не может такого быть!

– Представь – может!

– А зачем тогда провожать, если после новой встречи не предложить?

– Откуда я знаю...

– Так предложила бы сама!

– С ума сошла! – возмутилась Ника.

– А что такого? – не сдавалась Тамара. – На дворе двадцать первый век! Равноправие полов! И потом... ты же знаешь, у нас в классе каждая вторая девчонка умерла бы от восторга, если бы Глеб пошел ее провожать! И, уверяю тебя, ни одна не растерялась бы... А ты – настоящая ворона! Неужели тебе Глеб не нравится?

– Да так... Вроде он ничего... Я не думала об этом... – жалко пролепетала Ника.

Потом она хвалила себя за то, что ничего не рассказала подруге. Глеб Долинский не только не пришел на вокзал, где Ника битых два часа прождала его с лыжами в руках и промерзла при этом насквозь, но даже не посчитал нужным за все зимние каникулы как-то найти ее и извиниться. Замерзшая Ника даже легкой простуды не приобрела, но все каникулы чувствовала себя больной. Даже новогодняя ночь была для нее не в радость. Почти сразу после того, как часы пробили двенадцать и наступил новый год, Ника, сославшись на невыносимую головную боль, ушла спать, оставив в полной растерянности родителей и гостившую у них семейную пару – друзей отца и мамы Аллы.

Ника очень ждала, что в первый же школьный день после каникул Долинский объяснит ей свое непорядочное поведение, но Глеб даже не удостоил ее внимательным взглядом. Девочка поняла, что он не помнил о назначенном ей свидании на вокзале. Это было хуже всего. Она-то придумала для него кучу оправданий, а он банально забыл о том, что ей предлагал. Одноклассница Вероника Томилина ничего для Глеба Долинского не значила. А на дискотеке он, похоже, просто развлекался.

Вечером того дня Ника рыдала дома в подушку до тех пор, пока не пришли с работы родители. Ей пришлось опять изобразить из себя больную, чтобы не объясняться на предмет красных глаз и носа. Мама Алла совала ей градусник и грозилась вызвать врача, но Ника убедила ее подождать до следующего дня. Утром девочка взяла себя в руки, нос и глаза приобрели нормальный здоровый цвет, и вопрос о враче был снят с повестки дня. Но все

внутри Ники так закаменело, что даже мешало дышать. Тогда она не очень понимала причину постоянного дискомфорта внутри собственного организма. Теперь стало ясно, что ее мучило разбитое сердце. Сейчас тупая ноющая боль уже почти ушла. Видимо, раны зарубцевались. Оно и понятно. Ника изо всех сил искала себе занятие, которое могло бы отвлечь ее от печальных размышлений, и увлеклась... китайским языком. Почему китайским? Она специально выбирала язык потрудней, чтобы мозг все время был занят делом и в нем не оставалось места для мыслей о Долинском. Неожиданно для себя Ника увлеклась и языком, и китайской культурой вообще. Вот как раз сейчас закончила читать книгу китайских народных сказок и притч. Просто так взяла в библиотеке – полистать, а оказалось, в детской, как она думала, книжке полно мудрых мыслей. Одна эта притча о хрупких игрушках чего стоит...

Ника еще раздумывала о хрупкости бытия вообще, когда услышала, как щелкнул замок входной двери. Она отложила книгу, улыбнулась прозрачным игрушкам из своей коллекции и вышла в коридор. Там переобувался ее отец.

– Привет, папа! – поздоровалась с ним Ника.

– И тебя приветствую, дочка! – отозвался Николай Иванович и окинул ее непонятым взглядом.

– Пап! Ты чего так странно на меня смотришь?

– Странно? Пожалуй, не странно, а заговорщицки!

– И в чем же будет состоять наш с тобой заговор? – удивилась девочка.

– Ну, ты даешь! Забыла, что ли? – притворно возмутился Николай Иванович.

Ника, боясь поверить собственному счастью, прошептала:

– Неужели едем?

– Едем, дочка, едем!!

– Не может быть...

– Может! Я уже и путевки на нас переоформил!

А дело было в том, что сослуживец отца Ники собирался ехать отдыхать всей семьей в Китай, но серьезно заболела его жена, и от поездки им пришлось отказаться. Путевки он предложил Николаю Ивановичу. Поскольку они были выписаны на другие имена, Никиному отцу пришлось побегать, чтобы в короткий срок уладить все формальности.

– С ума сойти... – Ника все еще была не в силах бурно изъяслять свою радость. – Получается, что мы прямо послезавтра вылетаем?

– Именно, послезавтра! Так что давай-ка начнем собираться прямо сейчас!

– И мама с нами? – с надеждой спросила Ника.

Отец покачал головой, притянул дочь к себе, чмокнул в щеку и ответил:

– Ты же знаешь, что ей завтра надо лететь на конференцию в Москву!

– Я надеялась, что она передумает...

– Как она может передумать, если ей надо там делать доклад?

Мама преподавала в химико-фармацевтической академии и вместе со своими студентами должна была читать в Москве доклад на тему «Интродукция¹ лекарственных растений». Они так долго добивались приглашения на эту московскую конференцию, что было бы странно, если бы мама вдруг отказалась от нее даже ради поездки в Китай.

– Выше нос, дочь! – провозгласил Николай Иванович. – Мы еще не раз отдохнем все вместе. А Китай нельзя же было упускать! Мне кажется, тебе иероглифы даже снятся!

Ника наконец рассмеялась.

¹ Интродукция растений – выведение растений в местности, где они раньше не произрастали.

Когда Томилины уже почти доехали до аэропорта, Николай Иванович вдруг обратился к дочери:

– Я тебе не сказал самого главного, Никуша! Мой сослуживец, ну... Петр Егорович, на путевки которого мы едем, одну все же оставил за своим сыном, Стасом. Очень попросил за ним поприглядывать. Я согласился. Стасик – твой ровесник, думаю, особых проблем с ним не будет, а тебе – веселей. Не так ли?

Ника пожала плечами.

– Не знаю, папа. Ты когда-нибудь видел этого Стасика?

– Нет, не приходилось. Мы же не друзья с Петром. Так... работаем вместе...

– А вдруг он противный?

– Ну... уж как-нибудь выдержим...

– Постараемся... Ведь получается, что его семья устроила нам эту поездку. Мы их должники!

– Вот именно!

Как только Ника с Николаем Ивановичем вышли из такси, к ним подошли высокий худощавый мужчина и такой же длинный, худой парнишка.

– Здравствуйте! – радостно поприветствовал их мужчина. – А мы уж минут пятнадцать вас ждем! Вот, знакомьтесь, мой сын Стасик!

– Стас, – буркнул Стасик.

– Стас, так Стас! – легко согласился Никин отец и в свою очередь представился сам, а затем представил и дочь.

Взрослые тут же заговорили о билетах, контроле, багаже, предоставив Нику и Стаса друг другу.

– Тебе не нравится, когда тебя зовут Стасиком? – спросила Ника, чтобы как-то завязать разговор. Раз уж им придется провести вместе столько времени, пора начинать дружить.

– Не нравится, – буркнул парень. – Ясельное имя...

– Я тебя понимаю. Я тоже не очень люблю свое имя.

– А ты-то почему? – удивился Стас. – Вероника – очень красиво звучит!

– Имя-то красивое, согласна, но первая его часть, Вера, меня раздражает.

– Странно... Почему вдруг? Нормальное имя.

– Потому что это имя моей настоящей матери...

– И что?

– А то, что она нас с отцом бросила, когда мне было четыре года. Я ее почти и не помню. Меня вырастила папина вторая жена. Я ее мамой называю. Мамой Аллой! Смешное бы получилось имя от Аллы и Николая – Алланика.

Стас скупно улыбнулся и сказал:

– Вовсе и не смешное, а необычное! Можешь, кстати, Веронику на него и сменить!

На этом разговор иссяк, но, к счастью, взрослые наконец решили главные вопросы, и все отправились в здание аэропорта.

В самолете Ника и Стас общались мало. Оказалось, что девочка очень плохо переносит перелет, особенно воздушные ямы. Она так измучилась, что, в конце концов, крепко заснула, укрывшись пледом. В аэропорт города Санья они прилетели в два ночи по московскому времени, и потому отдохнувшая Ника чувствовала себя гораздо лучше, чем отец и Стас, которые здорово утомились. Между тем по местному времени было еще только десять часов вечера.

Когда Ника вышла из прохладного салона самолета, где работали кондиционеры, ей показалось, что она попала в сауну. Было полное впечатление того, будто лицо облепила

теплая влажная салфетка. Девочка вытерла щеки и лоб сначала ладонью, потом носовым платком, но лучше не стало. Духота снова окутала ее плотной влажной тканью. Воздух был неподвижен и казался таким плотным, хоть кусай. Незаметно от других Ника даже сделала кусательное движение. Зубы так громко и смешно клацнули друг о друга, что девочка с опаской посмотрела на своих спутников. Ей не хотелось, чтобы над ней посмеялись, но, похоже, и отцу, и Стасу было не до нее. Они с интересом озирались по сторонам. Посмотреть было на что. Стены терминала украшали светящиеся китайские фонарики из красного и золотого шелка. Они были соединены тонкими переплетающимися между собой нитями, которые тоже светились. Фонарики слегка подрагивали и рвались ввысь, как маленькие монгольфьеры. Ника за неделю до поездки как раз прочитала статью о братьях Монгольфье. Свои летающие шары они называли аэростатическими машинами. Правда, сначала они были вовсе не в виде шаров, а прямоугольными. Честно говоря, Ника никак не могла этого представить. Для получения газа братья сжигали мокрую солому и шерсть. Надо думать, преотвратительный запах при этом стоял.

Китайские фонарики на стенах, разумеется, никаких дурных ароматов не испускали. Но духота по-прежнему была не очень приятна. Ника, которая побаивалась высоты, подумала, что сейчас, чтобы плотнуть прохладного воздуха, с удовольствием поднялась бы в самое поднебесье на современном монгольфьере, который наверняка заполняют уже не таким противным газом. Неужели в Китае всегда так душно? Не хотелось бы всю неделю испытывать подобный дискомфорт.

При виде здания аэровокзала у Ники захватило дух. Оно было сделано в виде пагоды с крышей из листьев пальмы. Понять, настоящие это листья или стилизация, было невозможно. Нике хотелось, чтобы листья были настоящими. Девочка уже знала, что многоярусные башни пагод – главный элемент архитектуры всей Юго-Восточной Азии, а само слово «пагода» образовано от китайского бао-та – башня сокровищ. Раньше в Китае пагоды сооружали в качестве сторожевых башен и в знак добрых предзнаменований. Ника подумала, что китайцы нашли замечательное решение для аэровокзала – всякому прилетающему в Санья – доброе предзнаменование в виде башни сокровищ.

– Смотрите! Вон там! Вот это ананасище! – крикнул Стас, первым войдя в зал ожидания.

Идущая следом за ним Ника тут же увидела огромный ананас, вокруг которого толпились туристы и яростно шелкали фотоаппаратами. В его искусственности в отличие от пальмовых листьев на здании аэровокзала никаких сомнений быть не могло, и Ника пожалела, что он несъедобный. Вот бы чудо было! Она так ждала от этой поездки чудес. Девочка тут же вытащила из сумочки свой аппаратик и тоже принялась фотографировать. Стас вынырнул из-под ее руки и так удачно встал перед объективом, что казалось, будто на вытянутой руке он держит огромный ананас, облепленный людьми. Николай Иванович от души посмеялся над этой фотографией, но попросил больше не отвлекаться, так как надо было побыстрей пройти контроль и получить багаж. И Ника уже не фотографировала, лишь с восхищением смотрела по сторонам. В зале было много растений с темно-зелеными, глянцевыми листьями, аквариумов с яркими экзотическими рыбками, а вместо одной из стен – открытая терраса с бассейном и шезлонгами возле него. Устал – садись, отдохни у воды!

На небольшой площади выходивших из здания аэровокзала встречали китайцы с поднятыми вверх табличками, на которых были написаны названия отелей. Ника не могла не улыбнуться при виде большого скопления низкорослых худеньких людей. На их фоне ее отец почти двухметрового роста казался настоящим Гулливером, да и Стас выглядел вполне героически. На смуглых лицах китайцев цвели улыбки, они выражали такое радушие и приязнь, что у Ники создалось полное впечатление того, что она все-таки попала в добрую китай-

скую сказку, где с ней будут происходить всяческие волшебства. Даже духота уже донимала меньше.

Томилиных со Стасом и еще нескольких людей с европейской внешностью встречала очень хорошенькая китаянка с нежным маленьким ртом, высокими скулами и черными, гладко зачесанными назад волосами, свернутыми на затылке в тяжелый узел. Ее волосы так блестели, что казались густо залакированными, будто у исполнительницы балльных танцев. Ко всеобщему изумлению, девушка приветствовала прилетевших из России на прекрасном русском языке.

– Это где ж вы так научились говорить по-русски? – выразил всеобщее удивление Николай Иванович.

Девушка рассмеялась и сказала:

– Каждый раз мне задают этот вопрос! Наверно, мне надо начинать не с приветствия, а сразу объявлять, что я не китаянка! Я из Якутии.

И девушка кратко рассказала о том, что училась на факультете востоковедения московского университета, а в Санья живет уже пять лет, работает гидом.

– Настоящее мое имя – Лариса. Правда, здесь все называют меня Лулу. Я уже привыкла к этому, так что прошу и вас называть меня именно так.

– Лулу – влажный жасмин? – решила уточнить Ника.

– Да! А ты откуда знаешь? – удивилась гид.

– Просто я... – Девочка смутилась. – В общем, я недавно начала изучать китайский язык... Читаю, что попадается... Например, недавно книгу китайских сказок прочла. Разумеется, пока на русском... В одной из сказок героиню звали Лулу. Я запомнила, что это имя означает – влажный жасмин. Красиво... и нежно... Мне понравилось...

В отель ехали под высокими сводами листвы. Узкая дорога круто шла вверх, петляя между скалами, сплошь увитыми лианами. Внизу можно было видеть ту часть нитки шоссе, по которой только что проехали. Ника с ужасом думала о том, что если водитель сделает одно неосторожное или лишнее движение, то они непременно свалятся вниз, в изумрудную лиановую пропасть, и на этом их китайское путешествие будет закончено. Когда автобус стал спускаться вниз, Никин страх немножко уменьшился. Все-таки по мере спуска высота уменьшается. В конце концов девочка запретила себе смотреть вниз, и стало полегче.

Окна автобуса были открыты, и с каждым поворотом нарастала свежесть. Лулу объяснила, что это уже ощущается дыхание моря. Ника закрыла глаза, и вся отдалась движению. На какое-то время ей даже показалось, что она парит в душистой невесомости. Девочка стала предполагать, какие ароматы витают в воздухе. В Интернете она прочитала, что в Китае растут всякого рода пальмы, имбирные деревья, многочисленные орхидеи, тот же жасмин и даже раффлезии. Их еще называют трупными лилиями из-за мерзкого запаха разложения, которые источают их крупные и очень красивые венчики. Хорошо, что на склонах скал эти цветы явно не росли, поскольку дышалось легко и с удовольствием. Можно было, конечно, спросить у Лулу, чем так прекрасно пахнет, но Ника неожиданно впала в такое состояние безмятежности и блаженства, что говорить ей было лень. На какое-то время девочка даже задремала. Очнувшись тогда, когда Лулу громко призвала всех к вниманию и объявила, что автобус приближается к курорту Ялонг Бэй, что в переводе означает «желтый дракон». Она рассказала, что дракон – это символ императора, а также он символизирует в Китае добро, процветание и мир. Многие китайцы верят в то, что драконы – это их прямые предки, что человек произошел от драконов, которые основали цивилизацию на Земле и были первыми разумными существами. Потом они нашли себе другой мир для жизни, но ушли не сразу. Долгое время драконы оставались на Земле и учили первых людей ремеслам и наукам. В настоящее

время все драконы находятся в ином мире и благополучно там существуют, однако они могут появляться в мире людей, если их позвать или если они сами того захотят.

Ника подумала, что если вдруг попадет в какую-нибудь нестандартную или, что еще хуже, опасную ситуацию в Китае, непременно попробует позвать какого-нибудь маленького дракончика. Пусть поможет, раз уж драконы такие замечательные существа.

Когда подъехали к отелю «Золотой бамбук», было уже очень темно. Ника, вздремнувшая в автобусе, опять оказалась бодрее своих спутников.

– Честно говоря, я уже еле передвигаю ноги, – сказал Николай Иванович. – По нашему времени дело уж к утру идет, а толком поспать ни в самолете, ни в автобусе я так и не сумел. Ох уж эти часовые пояса...

– Да, я тоже чуть живой, – согласился Стас.

Ника же изо всех сил крутила головой, но в бархатной темноте толком разглядеть хоть что-то ей не удавалось. В метре от освещенной дорожки уже ничего не было видно.

Двухкомнатный номер отеля был очень просторным, с балконом во всю стену. Возле входа на него стоял изящный плетеный диванчик, похожий на старинную козетку². На нее тут же плюхнулся Стас и, устало вытянув ноги, заявил:

– Я буду спать здесь! Вы меня больше никуда не сдвинете!

– Брось, Стас! Гляди, какие тут огромные кровати... – Николай Иванович проверил на мягкость матрасы и сделал вывод: – Годится! – и опять обратился к парню: – Ты, конечно, как хочешь, а я ложусь сюда. Обожаю хрустящее постельное белье!

Стас нехотя сполз со своей «козетки», цапнул из вазочки, стоящей на столе, какой-то фрукт, укусил его, скривился, сказал, что этот неопознанный объект слишком кислый для его нежного организма, бросил его обратно в вазу и сообщил:

– Чур я в душ первым, если, конечно, наша дама не возражает!

Ника, которая в это время осматривала вторую комнату, поменьше той, где устраивались отец со Стасом, разрешила ему занять душ. Кровать в этой комнате тоже была такой огромной, что на ней спокойно могли бы уместиться три человека. Выход на лоджию из комнаты также был, и рядом даже стояло плетеное кресло, но обычное, спать в нем было невозможно, да Ника и не собиралась. И ее уже манила чистая, мягкая постель, даже несмотря на то, что, в отличие от своих спутников, большую часть пути из России до самого отеля она проспала.

Утром Нику разбудил отец:

– Вставай, соня! Мы со Стасом давно на ногах! Через полчаса – завтрак в ресторане отеля! Прихорашивайся побыстрей!

Ника надела светлые хлопковые шорты и ярко-оранжевый топик, провела по коротким пышным волосам щеткой и на минуту задумалась: краситься или нет? Вспомнив вчерашнюю духоту на улице, решила не краситься: хороша же она будет, если вдруг косметика потечет. С другой стороны, в отеле, где всю работу делают кондиционеры, прохладно... В конце концов компромиссный вариант был найден. Ника намазала губы гигиенической помадой с перламутровым эффектом и чуть-чуть подкрасила ресницы. Всмотревшись в зеркало, она осталась вполне довольна собой и вышла из комнаты к своим мужчинам со словами:

– Я готова.

Отец чмокнул ее в щеку, а Стас поднял вверх большой палец и сказал:

– А тебе идет этот цвет! Ты как апельсинка!

² Козетка – небольшая кушетка, двухместный диванчик.

Парень уже отвернулся от нее и направился к двери, а Ника ошеломленно стояла посреди номера. Она не собиралась производить впечатление на Стаса, совершенно не рассматривая его как возможного романтического героя. А почему, собственно говоря? Разве он не в ее вкусе? Пожалуй, он очень даже неплохо выглядит: высокий, тоже пышноволосый, как она сама, с яркими карими глазами. Он, пожалуй, несколько худоват, ему бы мускулатуру нарастить – и тогда будет полный порядок. Это нетрудно, было бы у него желание... Так, может быть, сама судьба свела их вместе не на какой-нибудь банальной дискотеке или на питерских улицах, а в Китае, в самой Поднебесной? Надо бы приглядеться к Стасу повнимательней, разобраться, что он за человек, и тогда... А что тогда? Да все! Все! Тогда они вернутся из поездки большими друзьями, а может быть, даже...

– Дочь! Ты что там застряла? – до девочки донесся из коридора голос отца.

Когда Ника выскочила из номера, первым делом столкнулась с идущим мимо молодым человеком.

– Осторожней нельзя?! – недовольно буркнул он, а потом изумленно воскликнул: – Томилина? Ты? Вот так встреча!

Ника подняла на парня глаза, и ей показалось, что из-под ног уходит пол отеля. Перед ней в снежно-белой майке и таких же белых шортах стоял Глеб Долинский собственной персоной, загорелый и красивый, как киноактер.

– Не может быть... – проговорила ошеломленная девочка.

– Да! Я и сам не поверил бы, если бы кто рассказал! – воскликнул Глеб. – На питерских улицах не встречаемся, а тут... нате вам...

Подошедшему к ним отцу Ника сказала:

– Папа, познакомься! Это мой одноклассник, Глеб Долинский! Такая удивительная встреча!

Улыбающийся Николай Иванович представился, пожал руку однокласснику дочери и спросил:

– Ты тут, конечно же, с родителями?

– Да! Они уже ушли в ресторан, а я... задержался, в общем...

– А вы давно в Китае?

– Шестой день.

– А надолго приехали?

– На десять дней! А вы?

– А мы только на неделю...

– Это ничего! Тут столько экзотики, что я уже за эти шесть дней дико устал от смены впечатлений! Так что, думаю, вам недели вполне хватит!

– Ну... а в общем и целом тебе здесь как? Нравится?

– А то!

– Тогда, бывалый турист, показывай нам, куда идти на завтрак!

По пути в ресторан Николай Иванович продолжал задавать Глебу вопросы по организации отдыха в отеле, но Ника плохо слушала как вопросы, так и ответы Долинского. Она бросала взгляды на Глеба, и у нее тревожно билось сердце, а губы, только что намазанные увлажняющей гигиенической помадой, почему-то уже опять стали сухими и шершавыми. Она ведь только что решила для себя, что судьба намеренно столкнула ее в Поднебесной со Стасом, чтобы между ними завязались какие-то отношения, а теперь вдруг опять, откуда ни возьмись, взялся Долинский... Что это? Тоже судьба? И что же эта странная судьба хочет? Кто из молодых людей ею предназначен для нее, Вероники Томилиной? Как разобраться? Или никто не предназначен? Может быть, встречи с этими парнями вовсе не рок, а всего лишь результат череды случайных совпадений и ни к чему не приведут?

Ника подняла глаза на идущего бок о бок с ней Стаса. Его ответный взгляд заставил ее занервничать еще больше. Он был явно осуждающим. А за что ее осуждать? Что она такого сделала? Она хотела сказать молодому человеку, чтобы он перестал на нее так странно смотреть, поскольку она перед ним ни в чем не провинилась, но Стас вдруг сказал сам:

– Ты в него влюблена, да?

Чтобы потянуть время, Ника спросила:

– В кого?

– Не надо изображать непонимание! У тебя на лбу написана сумасшедшая любовь к этому... – Он кивнул на впереди идущего Глеба.

Ника хотела опять спросить «к кому?», но подумала, что это уже будет выглядеть совсем глупо, и сказала:

– Тебе-то что за дело?

– Мне тебя жалко – вот и все!

– Жалко? – Ника даже приостановилась в коридоре. – С какой стати?

– А с такой! Этот твой одноклассничек не может не видеть, что ты смотришь на него с диким обожанием. А раз видит и не реагирует, значит, ты для него значишь ровно столько же, сколько, к примеру, я!

– Ты?! – возмутилась Ника. – Да он тебя вообще не знает!

– Вот именно! Ему нет до меня дела, но и до тебя – тоже, хотя тебя он знает!

Ника нервно дернула плечом и поспешила вслед за отцом и Долинским. Мир вокруг нее расплывался от слез, застилающих глаза. Девочка изо всех сил их сдерживала. Во-первых, у нее были накрашены ресницы, и всем будет смешно, если она явится в ресторан с черными разводами на щеках. А во-вторых, она не должна плакать, и все! Зачем доставлять этим радость Стасу? Надо же, какой мерзавец! Второй день знакомы, а он уже считает себя вправе лезть в Никину личную жизнь, делать какие-то выводы, смеяться над ней и жалеть. Ничего у него не выйдет! Она больше не даст ему повода к такого рода издевательствам.

В ресторане Томилины со Стасом заняли столик рядом с Глебом и его родителями. Взяв себя в руки Ника отметила, что одноклассник здорово похож на свою маму. Она у него очень моложавая, с глянцевыми завитками пшеничных волос и большими серо-голубыми глазами. Взрослые тут же начали разговаривать друг с другом, сначала о своих детях-одноклассниках, потом Николай Иванович начал расспрашивать Долинских, в какие места лучше купить экскурсии, что и где стоит посмотреть в первую очередь. Ника опять слушала плохо, поскольку ее мысли были заняты совсем другим. Она мучительно раздумывала о том, как ей достойно вести себя, когда придется встречаться в отеле с Глебом. Девочка почти не различала вкуса блюд, которые они взяли себе на завтрак. Даже мороженое с экзотическими фруктами показалось ей безвкусной холодной и неприятно жирной массой. Радостно-приподнятого настроения как не бывало. Стоит признать, что Стас кое в чем прав. Она вся дрожит от присутствия рядом одноклассника, а тому хоть бы что: он весел и... равнодушен. Если бы Ника вздумала напомнить Долинскому о том, как он приглашал ее в зимние каникулы кататься на лыжах, а сам не пришел на вокзал, он наверняка посчитал бы, что одноклассница на него клеветает. Разве мог он куда-то приглашать Нику Томилину, которая не вызывает у него никаких эмоций?

После завтрака Николай Иванович предложил в первый день прошвырнуться по территории отеля, чтобы посмотреть, как все устроено, а потом отправиться на пляж. Китайская экзотика подождет. Раз уж приехали к морю, непременно надо искупаться.

– Что такая кислая, дочь? – спросил он, изучающе на нее глядя.

– Так... Как-то мне не по себе... – начала мямлить она, а Стас вдруг сказал:

– Наверно, сказывается разница во времени. Я тоже сегодня чувствую себя точно так же, как однажды в раннем детстве, когда перекатался на карусели. – И он подмигнул Нике.

– Ну вы даёте, молодежь! – удивленно воскликнул Николай Иванович. – А мне вот – хоть бы что! Я выспался и готов к покорению морей и... даже гор... если понадобится...

– Мы все равно пойдем изучать отель, папа! И искупаемся обязательно! – Ника постаралась произнести это как можно веселей.

Отель «Золотой бамбук» имел два совершенно одинаковых корпуса, отделанных камнем, деревом и именно бамбуком. За корпусами высились горы. Их вершины тонули в нежно-голубой дымке и казались ненастоящими. Создавалось ощущение декораций, написанных особыми, прозрачными красками.

– Долинские рассказали, что за корпусами находятся чудесный сад и какое-то удивительное озеро, – сообщил Николай Иванович и предложил: – Пойдемте посмотрим? Лулу, кстати, тоже советовала первым делом отправиться туда!

– Лулу? – удивилась Ника. – Когда?

– Как это – когда? Она же приходила в ресторан, когда мы завтракали, и предлагала на сегодня именно такую программу. Ну... чтобы мы отдохнули от перелета, подстроились к новому времени и хоть чуть-чуть загорели.

– Да? – Ника, занятая в ресторане своими горькими мыслями, Лулу даже не заметила. Зато сейчас она чувствовала, как ее настроение стало заметно улучшаться. Она кивнула отцу, Стас тоже согласился:

– Конечно, посмотрим.

От увиденных за отелем красот Ника чуть не задохнулась. Из рационально устроенного места для отдыха они вдруг попали почти в тропические джунгли. С веток деревьев свисали гирлянды цветов немыслимых для европейцев расцветок и величины венчиков.

– Вот это да! – выразил общее восхищение Стас. – Эти цветочки будто кто опрыскал акриловыми красками из баллончиков! Такие яркие!

– Ты посмотри, какие чудесные орхидеи между камнями! – тут же предложила ему Ника, забыв, что собиралась держать его на приличном расстоянии от себя, дабы не лез с ненужными вопросами и еще менее нужными выводами.

– А это именно орхидеи? – спросил Николай Иванович. – Никогда не видел раньше...

– Конечно, орхидеи, папочка! Посмотри! Они будто и не цветы, а... причудливые безделушки из атласа или фарфора! А еще они похожи на сказочных существ, на время принявших облик цветка! Может быть, они по ночам оживают!

– И что делают? – спросил Стас и расхохотался.

Ника сначала смутилась, а потом, глядя ему прямо в глаза, ответила:

– У них своя собственная жизнь, совершенно не похожая на нашу, понятно?

– Чего ж непонятного? Вот эти, сиреневые, наверняка превращаются в бабочек – очень уж на них похожи!

Ника не могла не согласиться:

– Возможно! А вот эти, малиновые, гляди, как дамские туфельки! Может быть, какие-нибудь тропические феи их обувают по ночам и ездят в них на балы!

– А эти будто тигриные глаза, – подхватил Николай Иванович, а потом обратился к дочери: – Погляди-ка, Ника, какие удивительные в той стороне деревья! У них будто серебряные стволы!

– Это баньян, папа! Шагающее дерево!

– Что значит «шагающее»? – тут же встрял Стас.

– Вот посмотрите... – Ника подошла к зарослям, – ...от ствола и ветвей отходят воздушные корни, опускаются вниз и укореняются. Со временем они утолщаются, превраща-

ются в новые стволы, у которых одна, общая на всех, крона. Видите? А потом от этого ствола опускается вниз новый корень, и дерево как бы осваивает новую территорию.

– Это ж оно так может «зашагать» всю землю отеля! Как их останавливают-то?

– Я не знаю... – растерялась Ника. – Наверно, просто вырубают...

– А ты откуда знаешь про эти деревья? – продолжал допытываться Стас.

– Я читала... Мне про Китай все интересно...

– Почему вдруг именно про Китай?

Девочка лишь пожала плечами. Не рассказывать же ему, что даже ее увлечение Китаем связано с Глебом Долинским.

– Ну, а вот эти деревья даже я узнаю! – опять начал разговор Стас. – Это пальмы и, похоже, банановые! Вверху вроде даже самые натуральные бананчики! Желтенькие! Спеленькие! Вот бы сбить, а!

– Отставить! – с притворной суровостью отозвался Николай Иванович. – Это тебе не яблоня в чужом дворе! Не позорься! И потом, разве ты не видел, что в номере, в вазе на столе, каких только фруктов нет, в том числе и бананы!

– Так украденные-то самые вкусные!

– Я тебе покажу украденные! – прикрикнул на Стаса Никин отец и тут же вытянул руку вправо. – Смотрите, а там прямо водопады!

За пальмами действительно был сооружен целый каскад искусственных водопадов. Тонкие хрустальные струи переливались на солнце, шуршали по камням и звенели, срываясь в чаши у подножья искусственных скал. Прозрачные ручейки, прихотливо извиваясь и втекая друг в друга, составляли на земле сада целый водный лабиринт.

За каскадом сквозь пальмовые деревья виднелась гладь озера. Оно оказалось выгнутым полумесяцем и было голубым от отражающегося в нем безоблачного неба. Вокруг озера в шезлонгах отдыхали люди. Тянуло запахом жареной рыбы. Ника увидела рыбаков, сидящих на изящных мостках, отходящих от берега, и вспомнила, как в автобусе Лулу говорила, что в озере на территории отеля можно ловить рыбу, которую тут же на берегу и приготовят китайские повара.

Все пространство от озера к горам казалось занятым пальмами. Сотни, тысячи, – насколько хватает глаз. Ветви, протянутые в бесконечность, острые, как штыки. Сухие. Обожженные, но будто все равно спешащие к своему божеству – солнцу.

– Жа-а-арко, однако... – протянул Стас. – Может, теперь к морю?

– К морю! – в унисон подхватили Ника и Николай Иванович.

Территория отеля к морю спускалась террасой. Вдоль нее были вырыты пруды, будто неглубокие колодцы с выложенными камнями стенами. На поверхности воды плавали крупные глянцевые листья лотосов и нежно розовели венчики цветов с ярко-желтой, мохнатой от тычинок серединкой.

Когда Ника со своими спутниками прошла последний пруд, им пришлось вздрогнуть от резкого неприятного звука, похожего на те, что извлекаются, если поскрести по стеклу острым предметом.

– Что это? – Ника в испуге оглянулась на своих спутников.

Николай Иванович с удивлением огляделся вокруг, а Стас вернулся к последнему пруду, заглянул внутрь и отпрянул от очередного отвратительного звука. Потом расхохотался и пригласил к пруду Нику и ее отца. Под водой на самом дне сидела огромная пупырчатая лягушка и смотрела на них удивительно красивыми выпуклыми глазами.

– Вот эта, с позволения сказать, царевна и вопит дурным голосом, – доложил Стас, и лягушка, будто в подтверждение его слов, издала очередной препротивный вопль.

– Фу ты! – Николай Иванович покачал головой. – Если ночью такое услышишь, с ума сойдешь!

– Может, они ночью спят, – предположила Ника.

– Днем тоже можно инфаркт заработать от неожиданности. И зачем в отеле эти твари? Отдыхающих пугать?

– Понимаешь, папа, китайцы считают, что лягушки охраняют домашний очаг от злых духов! Поверье у них такое...

– И понятно почему! – Стас опять расхохотался. – У злых духов от этих диких криков тоже случаются инфаркты, и они после этого не в состоянии творить зло!

Ника не могла удержаться тоже и рассмеялась. Разулыбался и Николай Иванович.

Дальше на пляж пришлось идти через узкий участок, засаженный кактусами. По форме они напоминали те, что мы любим выращивать на своих подоконниках, но высотой были со взрослого человека. Никин отец был все же повыше кактусов, а Стас – почти вровень с ними.

– Говорят, что эти штуки красиво цветут, – сказал Стас, разглядывая ветвистые колючие столбы. – Ну и где же их цветики-лютики?

– Они цветут весной, – объяснила Ника. – Вот именно эти виды выпускают огромные, похожие на лилии, тяжелые цветы, желтые, алые и даже темно-синие. Это написано в рекламных брошюрах, что лежат в номере. Вчера перед сном я успела прочитать. Между прочим, в мае вокруг этих кактусов витает необыкновенный тонкий аромат. Не хуже, чем от дорогого французского парфюма. Так и написано, честное слово!

– Да-а-а... – протянул Стас. – А сейчас никакого аромата и... жарыща...

На пляже ноги Ники провалились в мягкий и мелкий, как мука, песок. Он и цвета был такого же, почти белого. Из-за этого берег выглядел необычно – в знойный летний день казался заснеженным. По всей протяженности пляжа высились сооружения в виде пагод с крышами из пальмовых листьев, в которых наверняка можно было укрыться от палящего солнца. Ника сразу побежала к морю. Удивительно чистое, прозрачное, оно радовало глаз нежным зеленоватым цветом и походило на жидкий нефрит³. У берега вода была такой теплой, что ноги девочки не почувствовали перехода от воздуха к воде.

– Ника! Иди к нам! – услышала она голос отца и побрела к своим мужчинам нарочно медленно, загребая ногами белый горячий песок и от души наслаждаясь этим.

Отец и Стас уже заняли лежаки возле семейства Глеба, отчего у Ники опять испортилось настроение. Неужели отец не мог пройти мимо Долинских? Неужели обязательно нужно кучковаться возле знакомых? Как будто нельзя с ними в Питере общаться!

Стараясь не смотреть на Глеба, девочка сбросила шорты, топик и опять побежала к морю подальше от Долинского и поближе к прозрачной воде, от которой все же веяло прохладой.

– Стас, не отпускай ее далеко от себя! – услышала она за спиной голос отца, и молодой человек тут же ее догнал.

– Слышала, Николай Иванович тебя мне поручил?! – сказал он.

– Папа сказал это так... для порядка... На самом деле он знает, что я хорошо плаваю – сам учил, – ответила Ника, сразу зашла в воду по пояс и легко поплыла вперед. Она действительно хорошо плавала, да и соленая вода держала отлично.

Ника плыла и наблюдала за сменой оттенков воды. Ее нефритовая прозрачность сменилась нежно-лавандовой, потом добавился синий цвет, который на глубине приобрел густоту гуаши.

³ Нефрит – минерал, поделочный камень, чаще молочно-зеленого цвета, но бывает самых разнообразных оттенков зеленого (желтоватого, травянистого, изумрудного, болотного), от почти белого до почти черного. Встречается еще голубой и красный нефрит, он очень ценится и очень редок.

– Не страшно так далеко заплывать? – услышала Ника, и рядом с ней неожиданно вынырнул Долинский.

– А она здорово плавает для девчонки, не так ли? – с другой стороны раздались слова Стаса, который все время плыл с ней рядом.

– Вообще-то, я запрещаю ей уплывать так далеко без мужского сопровождения! – Третьим рядом с Никой уже плыл отец.

– Да ну вас! – возмутилась девочка, развернулась и поплыла обратно к берегу. Конечно, она была бы не против похвалиться перед Глебом своими способностями записной пловчихи, но не при отце же со Стасом.

Как ни старалась Ника плыть по возможности быстро, два парня и отец ее все же обогнали. Когда она подплывала к берегу, молодые люди уже стояли на песке и смотрели на нее, а Николай Иванович отправился загорать. Ника сбавила темп, чтобы можно было с воды подольше разглядывать парней. Стас все же несколько проигрывал Глебу. Он был выше Долинского примерно на полголовы, но рядом с ним казался излишне тощим и сутулым. Загорелый мускулистый одноклассник смотрелся куда выгодней бледного Стаса, у которого загорелыми были только ноги до колен – видимо, и в Питере давно ходил в длинных шортах, а специально не загорал. Да уж... Картинка как в плохом кино или таком же плохом романе про любовь. Вот они, два соперника: один плохой, но красивый, другой менее красив, зато хороший. Кого выберет героиня? Разумеется, сначала она непременно выберет плохого, но красивого, а потом поймет, какой он недостойный, и наградит своей любовью не очень красивого, но хорошего. Впрочем, это героиня романа... А Ника кто? Да никто! А парни вовсе не соперники. Долинский ею вообще не интересуется, да и Стас – так только... на безрыбье... Ни в отеле, ни в ресторане, ни здесь, на пляже, среди отдыхающих почему-то не видно девушек в возрасте пятнадцати-шестнадцати лет. Какая-то мелкота кругом снует или совсем взрослые девушки фланируют...

Когда Ника уже сидела рядом с загорающим отцом на песке, мимо них к морю прошла Лулу в ярко-красном купальнике. Она была необыкновенно хороша: стройная, легкая, с длинной шеей и красивой посадкой изящной головки с черными блестящими волосами. Ника была уверена, что увидит, как парни, которые загорают рядом с ней, проводят Лулу восхищенными взглядами, но ни Стас, ни Глеб вслед гиду даже не посмотрели. Сначала девочка вынуждена была отвести глаза от пристального взгляда Стаса, а потом наткнулась на такой же внимательный взгляд одноклассника. Что бы значили эти их взгляды? Она не могла даже предположить. Не спрашивать же их об этом!

После пляжа Ника и ее два спутника, отец и Стас, решили посетить чайный домик на территории отеля, поскольку Долинские, которые там уже, разумеется, побывали, очень им это советовали, а в первый день долго загорать на таком палящем солнце опасно. Да и Лулу обещала присутствовать на чайной церемонии, чтобы переводить с китайского для русских отдыхающих.

Домик представлял собой наполовину открытое помещение, крыша которого опять была как у пагоды, многоярусной, но без листьев пальмы. Она была красивой, воздушной, кружевной, с задорно загнутыми вверх кончиками. Через отверстия ее кружев виднелось яркое синее небо. К входу, который сторожили два льва с улыбающимися восточными мордами, надо было пройти через такой же кружевной, как крыша, мостик. Он был перекинут через крошечный прудик, в котором сновали юркие ярко-оранжевые рыбки. В рекламном проспекте Ника читала, что на территории отеля в прудах живут золотые рыбки под названием кои. Наверно, это они и были. Окружающее выглядело настолько изящным и сказочно-прекрасным, что все заботы и невеселые мысли тут же покинули Нику. Все внутри замерло в предвкушении чего-то еще более замечательного, что ждет их внутри домика.

Внутри него было на удивление прохладно. На раздвижных белых стенах скупыми мазками были изображены то ли цапли, то ли журавли в разных ракурсах. Пришедших встречала хозяйка в национальной китайской одежде. На ней был закрытый шелковый халат с круглым воротом и застежкой в виде небольшого тканевого шара на правом плече у шеи, а также с глубокими разрезами по бокам. Сквозь разрезы виднелась шелковая юбка. Сверху на халат был надет пояс – широкая, расшитая жемчугом лента. Из-под него выглядывал другой, завязанный сзади крупным бантом. Несмотря на свою явную громоздкость, одежда выглядела на удивление гармоничной и женственной. Ника подумала, что с удовольствием примерила бы такой наряд. Вот только волосы у нее были довольно светлыми, чуть вьющимися и короткими, а потому из них невозможно было бы соорудить такую замысловатую прическу.

Хозяйка домика была очень миловидной с нежно-розовой фарфоровой кожей и чуть удлинненными к вискам карими глазами. Ника уже успела заметить, что китайки вообще необычайно прелестны: с высокими скулами, точеными европейскими носиками и довольно большими глазами. Хозяйка домика двигалась очень плавно, неторопливо. Движения ее изящных рук притягивали взгляд, завораживали. Она рассказывала о сортах чая, показывала, как его правильно заваривать. Лулу так же неторопливо переводила, и Нике вдруг показалось, что время потекло по-другому или, возможно, даже приостановило свой бег. Девочка смогла ощутить себя здесь и сейчас, как бы наедине с собой, и это ощущение было новым и ошеломляющим. Оказывается, можно никуда не торопиться, целиком отдаваясь сиюминутному, его приятным мгновениям. Все остальное при этом отступает на второй план, делается неважным и малозначимым. За порогом чайного домика, за пределами чаепития остается суэта повседневной жизни, а время, проведенное за столиком, целиком принадлежит Нике. Она наблюдала за работой хозяйки домика, слушала чайные истории и легенды, проживала их вместе с героями, наслаждалась тонкостями вкуса чаев, которые предлагались к дегустации, и чувствовала себя спокойно и умиротворенно. Ника даже забыла, что рядом с ней пьют чай отец со Стасом, и увидела их по-новому, когда пришла пора покидать гостеприимный чайный домик. При этом Стас показался ей очень симпатичным, и она подумала, что совершенно напрасно сравнивала его с Долинским. Он вовсе не хуже, просто не такой, как Глеб, а потому стоит выбросить из головы мысли об однокласснике. Вон какими глазами он смотрит на нее! Да она ему нравится! Нравится!! Это уже не подлежит никаким сомнениям! Он ей тоже очень даже приятен! И, возможно, все у них получится, и они возвратятся в Россию больше, чем друзьями...

– Ну как вам чайная церемония? – Ника вздрогнула от звуков знакомого голоса. Перед ними неожиданно оказался Долинский, которого она только что собиралась окончательно выкинуть из своих мыслей, и девочка почувствовала, как в лицо ей бросилась краска. Зачем же? Почему же? Она же уж отказалась от него...

– Очень приятное времяпрепровождение, – ответил за всех Николай Иванович. – Меня так прямо совершенно расслабило и разморило. Пойду-ка я отдохну в номере. А вы можете погулять... Идет?

Нике ничего не оставалось, как согласиться с отцом, хотя она уже чувствовала, что ее покидает спокойствие, в которое она смогла погрузиться в чайном домике. Отец оставляет ее наедине с двумя парнями, а она никак не может определиться с отношением к ним. А надо ли определяться? Может быть, пусть все течет своим чередом? Ника ведь ощутила во время чайной церемонии удивительное состояние нахождения «здесь и сейчас», надо продолжать его в себе культивировать. Здесь и сейчас с ней два симпатичных молодых человека. Они оба ей приятны. Пусть они как-то проявят себя, и тогда она сможет разобраться, кто же на самом деле ее герой, а кто – так... проходной персонаж сказки ее жизни. Сказки? А что? Она сейчас находится в самой настоящей китайской сказке!

– Да-а-а... – протянул Стас, когда они уже шли по дорожке к озеру за отелем. – Чаепитие в Китае не просто употребление напитка. Ритуал! Я, конечно, и раньше это знал, но одно дело – знать, и совсем другое – самому участвовать в церемонии. Мне, например, понравилась чаша справедливости!

– Можно подумать, что ты теперь всегда заварку из чайника будешь переливать в такую специальную посудину, чтобы она перемешалась и стала справедливо однородной для всех... – с насмешкой проговорил Глеб. – Все равно ж будешь быстренько заваривать пакетики! Все эти церемонии – всего лишь игры... и в реальной жизни невозможны.

– Насчет церемонии ты, конечно, прав. Нам вечно некогда... Хотя... иногда можно выделить вечерок для такого неспешного чаепития. А вот пакетики... Нет! Мои родители их терпеть не могут. Отец говорит, что настой из бумаги не употребляет, и потому у нас их никогда не бывает. Он даже на работу термос берет, а не пакетики.

– Заварочный чайник все равно на любителя – это ж возня... Да и вообще... Вот скажи: ты можешь выпить за один раз шесть чашек чая?

– А зачем шесть-то? – удивился Стас.

– Ну как же? – в свою очередь удивился Глеб. – Разве вас не потчевали такой сказкой: первая чашка освежает, вторая – дает телу легкость, третья – благотворно влияет... кажется... на ум, четвертая – лечит организм, пятая – его очищает, а шестая – сближает человека с небожителями? Я мог, конечно, порядок перепутать, хотя... – Он улыбнулся, – ... специально запоминал, чтобы где-нибудь блеснуть!

– Да, вроде бы и нам такое говорили... – согласилась Ника.

– Если во время какого-нибудь праздника не нажираться салатом оливье и селедкой под шубой, то вполне можно за вечер выпить и все шесть чашек, – сказал Стас. – Особенно если они небольшие!

– Но тогда...

Ника с удивлением поглядывала на двух своих спутников. Они с таким ожесточением бросали друг другу аргументы за и против чайной церемонии, будто важнее этого для них ничего на свете не было. Парни излишне горячились и почти выходили из себя. Ника вынуждена была их остановить:

– Перестаньте! Нашли тоже из-за чего злиться друг на друга! Из-за какого-то чая! Как хотите, так его и пейте! Или не пейте! Замените его на кофе или, например, компот... из сухофруктов!

– Да мы и не злимся... – смущенно отозвался Стас.

– Еще не хватало из-за чая... – подхватил Глеб, но Ника видела, что они продолжают поглядывать друг на друга довольно неприязненно.

Когда они подошли к озеру, Долинский вдруг сказал, обращаясь к Стасу:

– Слушай, приятель, ты не мог бы оставить нас с Никой вдвоем? Сходи пока во второй корпус. Там стоит огромный аквариум с такими красивыми рыбками, что от них глаз не оторвать! Посмотришь... сфоткаешь... ну а на обеде встретимся...

Ника не верила своим ушам. Тот самый Долинский, думами о котором она себя совершенно измучила, хочет остаться с ней наедине в таком красивейшем месте. Зачем бы? Ну не для того же, чтобы просто погулять с ней у воды? Для этого второй молодой человек не помеха! Неужели... Нет, не может быть...

– А я, знаешь ли, не любитель рыб, – довольно спокойно заявил Стас. – И мне плевать, какой они степени красоты. А аквариумы ненавижу с детства.

– Ну тогда... еще куда-нибудь сходи... Будь человеком!

– Я не могу оставить Нику!

– Почему вдруг? Сейчас белый день! Мы на территории отеля. С ней ничего не случится!

– Мне Николай Иванович Нику поручил. Я за нее отвечаю. А тебя я вовсе не знаю! Неизвестно, что ты за фрукт!

Девочка уже повернулась к Стасу, чтобы попросить его не лезть не в свое дело, но Глеб ее опередил:

– Это неизвестно, кто ты такой! А мы с Никой с первого класса вместе учимся! Так что лучше отвали по-хорошему!

Стас с посеревшим лицом повернулся к Нике. Ей очень хотелось, чтобы он побыстрее ушел, но она заставила себя сказать ему довольно миролюбиво:

– Не сердись, Стас! Мы просто поговорим с Глебом... и все... А на обеде действительно снова встретимся, а потом... наверно... опять пойдем на море. Уж очень жарко!

Стас, склонив голову набок, так внимательно оглядел ее с головы до ног, что Ника принялась неконтролируемо поправлять волосы и ляпочки на топике. Молодой человек больше ничего не сказал, медленно развернулся и пошел в сторону отеля. Ника загадала: если он свернет в сторону корпуса, в холле которого стоит аквариум, о котором говорил Долинский, то все сложится хорошо. Что подразумевалось под словом «все», Ника решила для себя не определять. Все – это и есть – все!

Стас свернул к корпусу, где они жили и в холле которого не было никаких аквариумов. На мгновение у Ники пересохло во рту от непонятного страха. Потом она взяла себя в руки и даже внутренне посмеялась над тем, что загадала. Все это глупости, ерунда и, как говорит Глеб, игры. А настоящая жизнь – тут, у чудесного озера, где она осталась один на один с Долинским. Ну... конечно, не совсем один на один. У озера отдыхало, ловило рыбу и потребляло ее с пылу с жару много отдыхающих, но никто из них не знал ни Нику, ни Глеба, а потому можно было считать, что они находились наедине. Девочка повернулась к однокласснику и выпалила:

– Ну и что ты мне хотел сказать?

Глеб сорвал с куста ярко-оранжевый цветок, бросил его в воду и ответил:

– Я... в общем, я хотел тебя пригласить вечером поехать в Санью...

– В Санью? – удивилась Ника, старательно глядя на брошенный Долинским цветок. Он не уплывал, а лежал на воде, будто озеро было для него самым привычным местом. – Так это ж далеко! Мы так долго ехали... после самолета...

– Долго ехать из аэропорта, потому что всех туристов по очереди развозят по разным отелям и наш «Золотой бамбук» – самый последний. Разве ты этого не поняла?

– Нет... Но я чуть ли не весь путь проспала... так что...

– Ну вот! А если ехать отсюда сразу в город – выйдет не больше пятнадцати минут!

– Ну и как же мы туда попадем?

– Очень просто – на такси!

– Это ж, наверно, жутко дорого!

– Не-е-е... вполне подъемно!

– Мы вообще-то с отцом планировали оставить Санью напоследок... Съездить туда перед самым отъездом домой... – с сомнением в голосе проговорила Ника. – Думаю, папа сегодня ни за что не поедет. Он не любит менять планы.

Глеб улыбнулся и сказал:

– А я его и не приглашаю... Я тебя приглашаю...

– Меня? Одну? – не могла не удивиться Ника. – Почему?

Долинский опять потянулся к цветам на кусте, но потом, видимо, сообразил, что не стоит их обрывать один за другим, и ответил, глядя Нике прямо в глаза:

– Потому что ты... классная девчонка!

Ника почувствовала, как при этих словах Глеба ее лицо в очередной раз заливают краской. Надо же, как долго она ждала чего-то подобного от Долинского в школе, а дождалась

так далеко от нее и собственного дома, в Китае! Неужели это было предопределено судьбой? Вовсе не в заснеженном лесу, куда он приглашал ее кататься на лыжах, должно было состояться их сближение, а здесь, в Поднебесной! Да, но как же Стас? Он ведь ей уже почти понравился... Вот именно, что почти! Она просто собиралась им лечиться от Долинского. А оказалось, что лечиться и не надо!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.